

«Сбит с ног — сражайся на коленях, идти не можешь — лежа наступай», - Генерал армии В.Ф. Маргелов

МОЙ ПЕРВЫЙ БОЙ. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ.

Рассказ гвардии сержанта Александра Алексеевича Старикова

Я пришел на войну не мальчишкой, а зрелым мужчиной, железнодорожником с двадцатилетним стажем. Мы заключили контракт с Министерством обороны вместе с коллегами, и я твердо знал: только ВДВ. Чтобы попасть в 137-й парашютно-десантный полк в Рязани, пришлось сдавать нормативы. Мы сдали — и стали десантниками.

В начале 2023 года нас отправили под Луганск, на боевое слаживание. Там, в грязи и холоде, мы узнали друг друга по-настоящему. Я попал в 15-ю роту 5-го батальона, оказавшись единственным контрактником среди мобилизованных. Но разницы мы не чувствовали: нас объединяла общая цель. Мы были плечом к плечу весь этот долгий год.

Сначала нас учили выживать в темноте — ходить без фонариков, пользоваться рациями, управлять дронами и, что важнее, прятаться от них. Помню, как подошла огромная БМД-3. Комбат благословил нас, и мы забрались на броню. Меня всегда поражало, как десантники не слетают с почти гладкого металла на ходу; секрет прост — держатся друг за друга, вцепляются мертвой хваткой, становясь единым целым.

Заводили нас под утро, около четырех часов. Мы ехали, и перед глазами разворачивался настоящий апокалипсис: горели дома, вдоль дорог стояли остовы сгоревших машин, а вдалеке полыхали вспышки, похожие на фейерверки. Как мы узнали позже, против нас применили запрещенное оружие – фосфор и бронебойные пули, которые лишают зрения и калечат без

всякой надежды на восстановление. С немецких пулеметов строчили натовскими разрывными пулями; они хлопали, как петарды, и надо было падать мгновенно. Это делали украинские нацисты.

Когда мы заезжали на точку сброса, я подумал: «Это ад». Настоящий ад из фильмов ужасов. Здесь подвозили еду и снаряды, меняли людей, вывозили раненых. Мы расположились в посадке, до передовой оставалось еще километра два-три, но уже рассвело — двигаться дальше значило подставиться под удар. Переночевали. Рядом работал минометный расчет ЧВК «Вагнер», парни, подписавшие контракт под амнистию.

Утром мы встали, попили кофе, перекусили сухпайком и вышли осмотреться. Стоял плотный туман, но даже сквозь него чувствовалась смертельная серьезность происходящего. Вокруг — колючая проволока, растяжки, мины. Шаг влево, шаг вправо — верная гибель. Посадка еще недавно была под врагом, теперь она принадлежала нам. Но враг не спал: над головой постоянно кружили дроны и другие БПЛА, высматривая цель.

Несколько дней нас не могли вывести на передовую. Но как-то ночью пришла БМД с боеприпасами и продуктами. Мы начали смену: отнесли груз на следующую точку, а затем, под покровом темноты, двинулись к передней линии. Шли около километра.

Я заметил «птичку» — дрон — и прижался к дереву. На мне был маскировочный костюм с длинными рукавами и большим капюшоном, похожий на наряд Пьеро. Я слышал, как звенят гранаты на подвеске беспилотника. Меня пробил холодный пот, но дрон прошел мимо. Слава Богу, уберёг.

Дальше — открытая местность, наспигованная минами и «лепестками». Эти маленькие снаряды особенно страшны: всего по щиколотку, но могут оторвать ногу мгновенно. Мы дошли до позиции «Щит № 5». Там нас встретили опытные бойцы. С нами был фельдшер — «Дог»,

специалист экстренной медицины. Особенно запомнился Якут. Бывший ополченец, девять лет на войне, шахтер по гражданской специальности, настоящий Рэмбо — он учил нас всему, что знал сам. Был и Кисель, работавший на «корде» — крупнокалиберном пулемете 12,7 мм. Сам Якут держал основной пулемет 7,62×54.

На следующий день вечером к нам прибежал Герой России, чье имя засекречено, и предупредил: завтра будет «накат». Враг понял, что произошла ротация, и попытается застать нас врасплох. Мы стояли на позициях под номерами от десяти до единицы. А ближе всего к врагу находилась «нулевая луна» — там расстояние до врага не превышало ста метров.

На посту менялись каждые два часа. Смотрели в тепловизор, отстреливали кусты, чтобы враг не подполз незамеченным. И вот настало утро моего первого боя.

Около пяти часов утра началась артподготовка. По нам работали польскими минометами калибра от 82 до 120 мм, строчили немецкие пулеметы. Рация захлебывалась от команд: комроты отдавал приказы, расставляя всех по местам. Начался накат на «нулевую луну» — наше самое слабое место. Если её пробьют, враг пойдет по посадке, и тогда держись, кто может.

Снаряды рвались один за другим. Якут стрелял из пулемета, выпуская ленту за лентой. Нам сказали, что наступает польско-литовский легион. Вражеская БМД шла вперед, за ней — пехота. Классическая тактика. Якут и остальные отсекали атакующих, мы работали как единый механизм, чтобы не пустить фашистов на нашу землю.

В самый разгар боя Якут крикнул мне:

— Фаза (мой позывной), ставь плиточку, кофе свари. А то сейчас такое начнется — не успеем попить!

У него стальные нервы. Пулемет работал непрерывно, ствол сгорел дотла. Якут отправил бойца за запасными стволами, и тот полз под шквальным огнем, среди взрывов и запаха серы. Бой длился восемь часов. Мы удержали «нулевую луну». Две противотанковые ракеты полетели во вражескую БМД, а затем крупнокалиберный пулемет с разрывными патронами срезал посадку. Раненых вытаскивали на спальниках — носилок не было. Снайперы не прекращали стрельбу, но мы не бросили ни одного.

Когда бой затих, мы привели себя в порядок. Даже наш импровизированный туалет разнесло осколками. А потом пришел приказ: помогать вывозить тяжелораненых. Мы тащили ребят триста метров по открытой местности, под прицелом снайперов, которые пытались поразить нас в голову. Мы не имели права их бросить.

После того боя на «нулевой луне» почти никого не осталось в живых. Позже я занял эту позицию со своим отделением и стоял там пять дней. Это были самые тяжелые дни: без сна, по колено в крови, среди двухсотых. Я был уже не командиром отделения ПТРК, а простым пулеметчиком — надо было держать оборону. Нацисты кричали, палили из РПГ, забрасывали нас гранатами.

Я запомнил, как заряжал пулеметные ленты в строительных перчатках, разбивая руки в кровь. До сих пор на ладони шрам. Новые ленты плохо подавались, патроны заедали, и приходилось досылать их рукой, а до врага — считанные метры.

Когда бой стихал, перед глазами вставали дом, семья, Родина. Мы воевали за будущее наших детей. Мы стояли на одном из самых тяжелых участков — в районе Клещеевки-Андреевки. Днем удавалось поспать лишь два-три часа, ночью же мы таскали боеприпасы, выводили раненых и встречали новеньких. Там протекала речка, через которую были перекинuty

веревки. По ним мы забирались наверх с грузом на плечах, а над головой кружили дроны, сбрасывая гранаты, и били минометы.

Именно там, в этом аду, я познал настоящую дружбу и войсковое братство. Там вера в Бога становится только крепче. Я всегда вспоминал слова ополченцев о том, что творили фашисты на Донбассе. Мы понимали: украинские нацисты — лишь оболочка, за которой стоят Европа и Америка - настоящие зачинщики этой войны.

Мой первый бой, мое боевое крещение — я не забуду его никогда. Сейчас я вспоминаю всех ребят, особенно тех, кто ушел навсегда. Они остались вечно молодыми. Они не зря сложили головы. Мы не должны допустить эту нечисть на нашу землю.